

Парадоксы российской социологии

Мы будем говорить о траектории, которую “прочертила” российская социология за два последних этапа ее развития – советский (от середины 1960-х до начала 1990-х годов) и постсоветский (за последние годы).

На первый взгляд, эта тема слишком широка для статьи. Однако сейчас, когда история российской социологии еще не написана, важно оценить хотя бы общее направление ее динамики. Это нужно прежде всего новым поколениям социологов, которые приходят в вузы, не зная не только истории этой науки, но и того места, которое она занимает, может и должна занимать в обществе. Траектория российской социологии состоит из парадоксов.

Парадокс первый: свобода - есть, но социологии как социального института - нет

В 1994 году я участвовала в конференции, посвященной двадцатипятилетию Ленинградской социологической школы. Слушая доклады В.А.Ядова, В.Н.Шубкина, Б.М.Фирсова, А.Н.Алексеева и других авторитетных российских социологов, я обнаружила фундаментальный парадокс. Они столь ярко живописали тогдашнюю социологию, что показалось, будто ее состояние в советские времена было блестящим. По их мнению, социология просвещала общество, разоблачала идеологические мифы, готовила будущую демократизацию. Из их выступлений вырисовывалась картина мощного научного направления, которое играло в обществе весьма заметную роль. С другой стороны, известно, что именно в 70-80-е годы, когда расцвела ядовитая школа, ведущие социологи СССР оценивали положение социологии весьма критически. И вот через 10 лет выяснилось, что на самом деле тогда был расцвет. То, что современники оценивали пессимистически, потомки переоценили. По их мнению, в эпоху СССР социология переживала свой золотой век!

Каковы корни этой переоценки, как и почему она возникла? Причина одна – сравнение с нынешним временем. Как оказалось, на фоне нынешнего состояния социологической науки ее состояние в эпоху СССР стало выглядеть не только не трагично, но даже оптимистично. Участники конференции вспоминали царивший в 60-80-е годы дух творчества, глубокие результаты, увлеченность работой, крупные научные школы, межрегиональные контакты, социологические экспедиции и т.д.

Не надумано ли все это? Ведь в СССР была цензура, был партийный и кегебистский контроль за мыслями, был запрет на изучение основных проблем общества, власти и собственности, не говоря уже о десятках конкретных тем, начиная от стратификации и кончая сексом.

Что показывает сравнение современной социологии с советской? По сравнению с советской эпохой сегодня у нас есть неоспоримые преимущества: 1) свобода организации любых исследований; 2) свобода международных связей; 3) свобода высказывания любых научных идей и концепций; 4) свобода использования и сбора любой информации. Однако кроме свободы, нужны еще базовые институциональные условия, которые позволяют эту свободу реализовать. К их числу нужно отнести по крайней мере семь: 1) существование научных организаций и (или) крупных научных коллективов; 2) “живое”, функционирующее научное сообщество (на макро- и микроуровнях) как социальная среда для творчества, социальный механизм, необходимый для повышения качества и накопления научных знаний; 3) нормальное воспроизводство научных кадров; 4) внутренний социальный заказ – спрос на исследования со стороны государства, ведомств, хозяйственных и других организаций, причастных к управлению экономикой и культурой; 5) стимулы и мотивы для проведения исследований; 6) развитые научные контакты с другими научными организациями как внутри страны, так и за рубежом; 7)

методологические предпосылки для проведения крупных исследований – таких, как национальная выборка населения, общедоступные банки информации по основным проблемам страны, доступ к временным рядам и др.

Если сопоставить состояние социологической науки в СССР и в постсоветский период по этим семи институциональным условиям, приходим к парадоксальному выводу: в СССР социология была социальным институтом, а в постсоветскую эпоху перестала им быть. Хотя социологические организации и коллективы находились под сильным идеологическим контролем, их функционирование не теряло своего институционального характера. Масштабы исследований были значительными, межнаучные контакты – тесными, обмен результатами (межрегиональные и отраслевые научные и научно-практические конференции, семинары) был нормой.

Конечно, идеология исследователей была разной – от прокоммунистической до диссидентской, но профессиональные нормы работы в сфере эмпирических исследований были довольно стандартизированными. И, главное (о чем мы тогда не задумывались), как диссидентствующие, так и прокоммунистические социологи были ориентированы на анализ и решение *проблем страны*.

Именно в условиях тоталитаризма и огосударственной экономики, в начале 60-х годов, стали возникать и формироваться крупные, продуктивно работавшие научные коллективы, выполнявшие значительную социальную функцию, так или иначе связанную с народнохозяйственными задачами. Социология тех лет была макросоциологией. Это выражалось в анализе крупных проблем – таких, как межрегиональные различия в условиях жизни населения, сельско-городского различия, социальные проблемы в отраслях народного хозяйства (в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и др.).

Выполнялись крупные исследовательские проекты динамического характера: проект “Человек и его работа” в Ленинграде продолжался 12 лет (1965-1977 годы); проект “Таганрог - 1, 2 и 3” – 14 лет (1975-1989 годы); проект “Методология системного изучения советской деревни” в Новосибирске – 15 лет (1967-1982 годы).

Именно в советскую эпоху появились стимулы для серьезного изучения социальных проблем. В 60-70-е годы в социологию шли математики, инженеры, кибернетики, лингвисты, юристы, историки, педагоги, врачи, руководители предприятий. Приходили люди, искренне желавшие понять устройство общества, его трудности и проблемы и, главное, стремившиеся практически участвовать в решении этих проблем.

Именно в советское время сформировалась методология исследований, основанная не только на опросах общественного мнения, но и на “поведенческих” проектах, касающихся миграции, ориентаций и поведения в сфере труда, в личном подсобном хозяйстве, в жилищном вопросе. Изучались конкретные категории населения (например, потенциальные мигранты, владельцы личных подсобных хозяйств и т.п.). Их мнения о ситуации соотносились с данными об их намерениях и действиях, с госстатистикой.

Советская социология продуктивно работала на промышленных и других предприятиях, решала социальные проблемы многих трудовых коллективов страны. Разработанная социологами методология социального планирования безусловно была полезной как с принципиальной стороны (как форма заботы об интересах работников), так и в практическом смысле. Социальное планирование усиливало стимулы к труду, улучшало обстановку на предприятиях, помогало управлять коллективами.

Институциональный характер советской социологии бесспорен. Не менее бесспорно и то, что сегодня свой институциональный характер российская социология утратила.

Парадокс второй: свобода есть, а углубления исследований - нет

Сегодня крупные научные коллективы распались на мелкие и мельчайшие группы, работающие, как правило, по западным проектам. Соответственно, произошла “дисперсификация” научного сообщества в целом. Сократился приток научной молодежи,

а, следовательно, приостановилось воспроизводство профессионалов. Практически не проводятся крупномасштабные и долгосрочные исследования, социологи ориентируются не на социальные нужды и проблемы страны, а на западные заказы. Ухудшилась технология исследований (за исключением отдельных крупных проектов, финансируемых западными организациями).

Советское общество социологи знали. Понимая его фундаментальные дефекты, хотя и не имея возможности изучать их, писать о них, социологи делали то, что разрешалось. Но все-таки они изучали общество достаточно глубоко и масштабно. Нынешнее российское общество социологи изучают фрагментарно, поверхностно. Разумеется, есть исключения. Но, если говорить о всей совокупности исследований, можно утверждать, что социология накапливает новые знания очень слабо.

Каков баланс приобретений и потерь? С одной стороны, перестройка и последующие реформы сняли идеологические запреты. Нет цензуры, нет идеологического контроля, изучать можно все. Можно проводить любые исследования за рубежом, сотрудничать с любыми партиями, придерживаться любой идеологии. Можно самостоятельно искать заказчиков, иметь дело с кем хочешь, кого найдешь – от министерств до преступного мира. Можно издавать любые книги, любые журналы, любые газеты. Можно ездить куда желаешь. Можно развивать любую западную теорию, создавать любые социологические организации. И при этом – никаких требований к науке со стороны государства, по существу, не предъявляется.

В результате облик социологии существенно изменился. В жизнь вошли опросы общественного мнения. Возникли десятки новых социологических центров. Расширились контакты с западными учеными, стали нормой совместные исследования. Стали разнообразнее, интереснее научные публикации.

Вроде бы новая эпоха продвинула социологию вперед. Но, расширив свободу, социальные изменения привели к фактическому сужению фронта науки. Сегодня социология знает о новой системе меньше, чем знала о старой системе во времена “застоя”. Действительно, социологи знали социальную базу власти и механизм развития экономики. Сейчас эти проблемы остаются за пределами достижимого.

Почему же не реализована свобода исследований?

Во-первых, лишившись поддержки государства, социология “пошла по рукам”, не только в переносном, но и в буквальном смысле: главный заказчик теперь не “собственный” ЦК КПСС или советское же государство, а западные фирмы и университеты. Поэтому, избавившись от идеологического заказа советских властей, социологи изучают то, что нужно за рубежом. А там чаще всего нужны не долгосрочные проблемы, а рейтинги политиков, и, конечно, анализ спроса на продаваемые в России западные товары. Западные фирмы не интересуют такие проблемы, как социальные гарантии государства гражданам России или судьба трудовых коллективов предприятий. Винить их в этом нельзя. В результате мы изучаем рынок жвачек, но не изучаем положение российской школы и российских больниц. Кто платит – тот заказывает музыку.

Во-вторых, на место существовавших во времена СССР больших научных коллективов пришли маленькие группки, “завязанные” на западного заказчика. Ушли в прошлое крупные научные темы, основанные на межрегиональных исследованиях. Не проводится и межрегиональных и тематических конференций по основным проблемам развития страны. По существу, утрачена традиция изучения макросоциологических проблем производства и труда.

В-третьих, сокращение финансирования науки привело к прерыванию, начавшегося в 60-е-80-е годы воспроизводства кадров. В социологию не только не приходят новые поколения, но, напротив, она лишилась молодежи, которая начинала научную карьеру. Социологов 30-40 лет очень мало. Выпускники вузов в науку не идут. А это значит, что накопленные традиции утрачиваются.

В-четвертых, размываются нормы научной деятельности, прежде всего, принцип открытости информации. Именно это делает науку социальным институтом, обслуживающим потребности общества. Но о какой открытости может идти речь, если группы социологов конкурируют за заказчиков? Напротив, теперь все исследования – если не “эксклюзив” западных спонсоров, то как минимум – коммерческая тайна. В результате данные, получаемые разными исследователями на одних и тех же объектах, чаще всего не только не сопоставляются, не обобщаются, не накапливаются, но просто не показываются “посторонним”.

В-пятых, свернута практика полевых исследований, в частности экспедиционные методы. В СССР существовали научные коллективы, для которых социологические экспедиции были если не главным, то важнейшим методом работы. На этом стояла Новосибирская школа. Сегодня крайне редким стал сбор информации непосредственно на изучаемых объектах. Не случайно социология отождествляется с “опросами общественного мнения”. Действительно, теперь мы знаем общество через призму общественного мнения. Но обследование общественного мнения – это особое направление работы, а не универсальный метод для изучения социальных проблем страны. Знать общество – значит знать ситуацию на объектах.

Парадокс третий: социологи боролись за смену власти, но новая власть устраняет социологию

Как изменилось положение социологии в обществе, каковы ее взаимоотношения с властью? Сегодня есть четыре класса социологов: 1) “придворные” – аналитические центры при властных структурах: Президенте, правительстве, министерствах, силовых ведомствах и др.; 2) “рыночные” – центры опросов общественного мнения; 3) социологи, работающие на западные фирмы; 4) академические – остатки научных организаций.

В целом, отношение власти к социологии осталось тем же самым: серьезные исследования, касающиеся наиболее сложных социальных проблем страны, ее мало интересуют. Но теперь у власти возник свой особый интерес – рейтинги политиков и, реже, поддержка или осуждение “народом” тех или иных политических и экономических решений. Хотя, как и раньше, никаких практических выводов власть не делает. Достаточно вспомнить: общественное мнение было против войны в Чечне, а война шла два года.

Зависимость социальных исследований от власти не только сохранилась, но стала сильнее. Власть приватизировала социологию. Сегодня каждая ветвь власти создала “при себе” аналитические центры, службы общественного мнения. Хотя существуют десятки НИИ, занимающихся этими же проблемами. Это создает парадоксальную ситуацию: цифр добывается много, а обобщений нет. Зато цифры напрямую используются в политической борьбе. Это – примета времени.

Следует отметить низкий престиж экономистов и социологов в глазах власти. Обнаружилась явная несостоятельность науки в анализе перемен, которые происходили в стране. Лидерские позиции в анализе перестроечных и последующих рыночных процессов прочно заняла журналистика. При ведущих газетах созданы аналитические центры, которые проводят уникальные исследования. Например, аналитический центр “Известий” в 1997 г. провел уникальное исследование “Люди на свалке” – о том, как живут русские дети у усыновивших их новых родителей в США. Фундаментальных, многолетних исследований крайне мало и они “не звучат”. Исключение составляет ВЦИОМ, работе которого нет цены – он делает поистине великое дело.

На положении социологии сильно сказывается прагматизм власти: важно то и только то, что можно продать сегодня. Знания, которые касаются не текущего момента, а продолжительного периода времени, не покупаются. Поэтому кажется, что фундаментальные исследования не нужны. Политический прагматизм порождает два следствия: делается ненужным долгосрочный прогноз и тем более ненужной оказывается социальная теория.

Парадокс четвертый: свобода есть, а социальной теории нет

Во времена СССР запрет на социологическую теорию проистекал из ее противостояния марксизму-ленинизму. Поскольку считалось, что марксизм-ленинизм – это и есть советская социология (так считало и правительственное крыло социологов 60-70-х годов), то развивать какую-то другую теорию запрещалось. Сегодня запрета на социологическую теорию нет. Но и возможностей для ее развития тоже нет. Кто же будет платить за теоретические изыскания? Западным заказчикам нужны не теории, а цифры. Российским властям – тоже. Но есть и более тонкие причины. Дисперсность нынешней социологии и ее финансирование западными спонсорами делают невозможным проведение многолетних исследований. Результаты требуются быстро, не говоря уже об эксклюзивности. Но краткосрочные обследования не позволяют разобраться в сложных проблемах современности – таких, например, как проблема перераспределения собственности и власти, механизмы национальных конфликтов. Один пример. Для изучения социальной стратификации нынешнего российского общества нужна выборка, представляющая все слои этого общества, все его регионы, все национальные общности, не говоря уже о возрастной структуре населения, материальном положении семей, их составе и др. Такой выборки нет. Разработать ее тоже может отнюдь не всякий научный коллектив.

Прорисовывается еще один парадокс: западные деньги – работают, а западные теории – нет. Дело в том, что социология – национальна: в разных национальных обществах проблемы и облик общества разные. Поэтому западные теории среднего уровня, например, теория политики, теория среднего класса, “слепленные” с западного общества, годятся только в качестве общей схемы, требуют конкретизации. С конкретизацией не получается. Поэтому мы деньги западные берем, а в западное научное сообщество войти не можем. Поэтому нас и используют как сборщиков информации, а не как коллег. Весьма показателен пример Е.Гайдара: проведя рыночную реформу на основе западных моделей рынка, но при полном игнорировании специфики российского общества, он не получил ожидаемого результата.

Парадокс пятый: социологи боролись за рынок, но рынок устраняет социологию

Сегодня наука вместе с другими бюджетными сферами – образованием, культурой, здравоохранением оказалась в числе наиболее “ущемленных”, разоренных, несостоятельных сфер жизни. В условиях, когда новые, рыночные формы финансирования науки еще не сложились, государство обязано их поддерживать. Эти отрасли формируют духовную атмосферу, насыщают жизнь “социальным смыслом”. Конечно, каждый сам придает смысл своей жизни. Но смысл существования общества должны “вносить” специализирующиеся на этом социальные институты – политика, мораль, наука, искусство. Конечно, иметь магазины, рестораны, бани, парикмахерские, бензозаправки тоже необходимо, без них люди просто не выживут. Но есть одно отличие: воспроизводство кадров, формирующих духовную атмосферу, стоит дороже, чем воспроизводство, например, парикмахеров или гостиничных служащих. Выучить на продавца, официанта, почтового служащего, в принципе, можно почти любого. Ученым же, как и писателем, надо родиться. И если обнаруживаются люди, имеющие склонность и способности к тому, чтобы анализировать и решать “вечные вопросы”, прогнозировать будущее, – общество не должно жалеть средств на то, чтобы эти люди могли реализовать эти способности. Если страна теряет мыслителей, наступает распад социальных связей.

Рыночные формы существования культуры и науки дают отдачу не сразу, а только в долгосрочной перспективе. Они выдерживают требований рынка, не могут конкурировать, например, с добывающими отраслями. А сама продукция науки и культуры не может и не должна подчиняться рыночным критериям. Это хорошо видно из опыта перевода высшей школы на коммерческую основу. Бесспорно, этот перевод (в сочетании с другими причинами) резко снизил ценность вуза как источника получения

знаний. Студенты начинают разделяться не по таланту и прилежанию, а по богатству и статусу родителей или спонсоров.

Таким образом, как показала постсоветская история, после распада СССР социология утратила те завоевания, которые приобрела в советское время, при диктатуре ЦК КПСС. Надежды на ее бурное развитие, которое имела советская интеллигенция, не оправдались. Ожидания в адрес социологии, из которых исходила интеллигенция в 80-е годы, были идеализированными, утопическими. Действительно, в те годы нам казалось, что выводы и рекомендации социологов откроют глаза властям, что власть будут становиться умнее. И чем умнее будет власть – тем больше мы будем знать об обществе. И тем лучше будет становиться оно само. Не менее утопической была и вера в созидательную роль свободы. На деле оказалось, что все намного сложнее. Не было учтено, к примеру, что в условиях свободы общество станет “теневым” и поэтому изучать его станет невозможно. Оказалось, что свобода породила такое общество, такую власть и такую экономику, которые вымывают социологию.

Парадокс шестой: социологическое образование - есть, а специальности - нет

Социологическая специальность – не просто умение собирать и обрабатывать информацию, а искусство анализа социальных процессов. Социологи изучают основные тенденции развития стран, народов, обществ, объясняют перемены и прогнозируют будущее. Социологи – это мыслители, которые открывают в обществе то, чего “простые люди” не видят. И тем самым помогают понять происходящее. Поэтому специальность “социолог” не может быть массовой. Тысячи крупных мыслителей никому не нужны.

В СССР все получилось наоборот. Когда социология была, наконец, признана, социологов стали выпускать сотнями. Ею заменили научный коммунизм. Произошла профанация социологии как науки и как специальности.

Есть ли спрос на социологов? Если под социологами иметь в виду специалистов по анализу социальных процессов и массовых форм поведения, то спроса на таких специалистов нет. Есть спрос на маркетологов, изучающих ситуацию на рынках, интервьюеров, занимающихся опросами. Для сбора такого рода информации вполне достаточно иметь десять классов образования. Я, конечно, немного утрирую: пригласив десятиклассников для участия в опросе, их надо два-три года поучить. Но обучаться социологии пять лет для такой работы не нужно.

Выше я говорила о том, что социология должна решать теоретические задачи по объяснению и прогнозированию. Но она имеет и прикладную задачу – разработку программ решения практических проблем. Таких проблем в России – множество. Россия – сверхпроблемная страна. Поэтому, если говорить о спросе на социологов, очевидно: потенциальный спрос на социологов в России огромный. Но он не осознан ни обществом, ни государством. Поэтому реальных рабочих мест под эту специальность сегодня нет. Под видом социологов из вузов выпускают тех, кого может принять рынок – маркетологов, специалистов по рекламе, или просто людей, которые могут работать на компьютере.

В СССР спрос на социологов обеспечивало государство. Государство распределяло выпускников на те рабочие места, где они в той или иной степени могли использовать полученные знания. Практически во всех министерствах и на предприятиях существовали социологические службы, отделы социального планирования. Это обеспечивало стабильные рабочие места для социологов. Можно было считать, что профессия социолога стабильна.

Второй канал занятости социологов по специальности – научные учреждения. Вузы могли оставлять талантливую молодежь для научной работы в качестве аспирантов и ассистентов. Например, в Сибирском отделении АН СССР действовала система отбора отличников для пополнения научных кадров. Парадокс, но в условиях застоя готовились кадры глубоких аналитиков, настоящих ученых.

В постсоветскую эпоху выпускники социологических факультетов, как и другие гуманитарии, ринулись в коммерческие структуры, ставшие самыми

высокооплачиваемыми и потому самыми приоритетными местами приложения труда. Интересное исследование провела выпускница Высшей школы экономики С.Творогова, опросившая студентов, окончивших социологические факультеты нескольких вузов России. Большинство из опрошенных не намерены работать по специальности, а готовятся идти в коммерческие структуры. Были опрошены также и работающие студенты. Занимаемые ими должности практически не имеют отношения к специальности – чаще всего они работают операторами. Второе (по количеству работающих) место приложения труда выпускников социологических факультетов – маркетинговые фирмы. Наконец, многие социологи работают референтами, бухгалтерами и т.п. – эти специальности они приобрели уже после окончания социологических факультетов.

Таким образом, спроса на серьезные научные исследования, которые соответствовали бы специальности “социология” – нет, но и желания заниматься “чистой наукой” у выпускников вузов, получивших социологические специальности, тоже нет. Денег за это не платят, НИИ едва держатся. Понятно, почему молодежь не идет в науку.

Сейчас модно говорить о необходимости “стыковки” науки и высшего образования. Создаются НИИ при учебных заведениях (например, в Академии народного хозяйства, в Высшей школе экономики), учебные центры при академических институтах (Российский центр гуманитарного образования). Но эти организационные формы не решают основной проблемы: для проведения исследований нужны деньги. Поэтому студентов учат... без поля, без социологической практики.

Иногда считают, что наука не может эффективно работать из-за того, что ученым не платят зарплату. Но главный тормоз совсем другой: исследования стоят больших денег. В июле 1997 года рыночная цена проведения одного интервью с руководителями любого ранга (от директора завода и выше) по экспертной оценке составляла не менее 20 долларов. Ученый, желающий собрать конкретную информацию на базе хотя бы 100 интервью, не сможет оплатить такие расходы.

В советские времена конкретные социологические исследования финансировались за счет бюджета. Сегодня это кажется странным. Автору пришлось много раз организовывать социологические экспедиции в сельские районы Новосибирской области и Алтайского края. 6-7 отрядов по 8-10 человек в каждом получали автомашины из Сибирского отделения Академии наук СССР и выезжали в деревни, вплоть до самых удаленных от областного центра. Жилье, питание, транспортные расходы – все это предоставлялось Институтом экономики Сибирского отделения наук. Ученым оставалось лишь разработать инструментарий сбора и анализа информации, сесть в машину, приехать на “объект” и приступить к работе. Сегодня этих условий нет, а цена информации – высокая.

Была еще одна более дешевая форма сбора информации: преподаватели использовали труд студентов, которые готовили курсовые или дипломные работы. Например, нынешний профессор кафедры экономической географии МГУ А.И.Алексеев на протяжении многих лет вывозил своих студентов “в поле” – в разные районы СССР, вплоть до Сибири. В течение месяца-двух студенты под его руководством собирали информацию, как социологическую (опросы населения), так и статистическую (данные из хозяйственных книг сельских советов, отчетность райстатуправлений и др.). Сбор сведений велся под контролем опытных преподавателей. Так что собираемая информация была качественной. Это позволяло руководителям студенческих отрядов проводить вторичный анализ данных, использовать их для научных докладов.

В постсоветской России получение информации для независимых ученых (например, работающих на кафедрах вузов) стало неразрешимой проблемой: ни покупать информацию, ни собирать ее своими средствами стало невозможно. Социологи лишились информационной базы. Но какая же наука без новой информации?

Судьбы двух социальных институтов, науки и образования, взаимосвязаны. Думаю, что уровень социологического образования не может быть выше, чем состояние

социологической науки. Кризис социологической науки отрицательно сказался на социологическом образовании. Для того, чтобы учить студентов, преподаватель должен быть ученым. Если же он не ведет исследования, то становится поверхностным “излагателем” чужих идей.

В России судьбы социологической науки и социологического образования оказались разными. Пик социологического образования был достигнут в 1988 году, когда было принято постановление ЦК КПСС, впервые признавшее необходимость высшего социологического образования в стране. После этого была открыта “зеленая улица” для социологических факультетов. Что касается социологической науки, то в этот период в ней шел противоположный процесс. В связи с запретом КПСС и отказом от коммунистической идеологии рухнула идейная основа советской социологии. Другой же идейной основы она еще не имела. Пересечение этих двух разных процессов привело к тому, что официально разрешенное социологическое образование осталось как бы без тыла: без теоретической базы, без ясной цели – кого готовить, как и для чего. Не имея ответов на эти вопросы, Госкомобразование использовало социологию по-советски: ею стали заменять отмененные в те годы научный коммунизм и марксистско-ленинскую философию. Социологов стали выпускать сотнями. Сегодня социологию преподают даже в кулинарных техникумах. Возникло очевидное противоречие: прием огромный, но теоретической базы образования нет, рабочих мест – тоже нет. Поэтому социологическое образование оказалось фиктивным, номинальным. Все бы ничего, но плохо одно – студенты-то этого не знают. И их надежды не имеют ничего общего с жизнью.

Переход России к рынку породил новый критерий обучения в вузах – не возможность использования полученной специальности в данной стране, а наличие людей, которые могут заплатить за обучение.

Я называю такую модель подготовки специалистов индивидуалистической, ибо обучение здесь ориентировано не на “интересы общества”, а на интересы отдельных людей, желающих овладеть той или иной специальностью. Сторонники этой модели рассуждают просто: неважно, что эта специальность никому не нужна, что рабочих мест под нее нет. Но человеку это интересно. Значит, такие специальности нужно открывать. Такая модель высшего образования полезна тем, что выполняет важную социальную функцию – обеспечивает созревание инфантильных поколений. В России инфантилизм очень силен. Это выразилось хотя бы в многомиллионном отряде “обманутых вкладчиков”.

Многие родители рассуждают еще проще: в вузе молодежь вырастет. А чему они там 5 лет учатся, или не учатся вообще – это не имеет значения. Время работает на молодежь, социализирует ее. Если звезды зажигают – значит это кому-то нужно. И если профессия “социолог” в цивилизованном мире существует – это значит, что она нужна.

Уважая такую мотивацию, думаю, что все же лучше, когда пятилетнее обучение не ограничивается расширением кругозора, а позволяет человеку реализовать полученные знания. Поэтому целесообразно готовить не “социологов вообще”, а социологов-аналитиков, социологов-прикладников, социологов-методистов и социологов-организаторов.

Социолог-аналитик. Таких специалистов нужно очень мало - несколько десятков на страну. Но это должны быть высококомпетентные люди, которые действительно способны анализировать как общую ситуацию в социальной сфере экономики, так и положение отдельных категорий работников, жителей отдельных регионов страны, занятых в разных отраслях и др. Аналитики должны быть способными разрабатывать сценарии, варианты взаимодействия между экономикой и обществом. Они должны уметь проводить сравнительный анализ, сопоставляя модели взаимодействия экономики и общества в разных странах, в первую очередь “извлекая” то, что полезно для России.

Социолог-прикладник, работающий как в госаппарате, так и в корпорациях, на предприятиях. Этот социолог должен заниматься и анализом ситуаций, и разработкой

сценариев, и социальным прогнозированием. Все это должно быть “привязано” к экономическим целям страны, отрасли, предприятия. Социолог-прикладник должен заниматься социальным проектированием, то есть не только выявлять возникшие проблемы, ставить диагнозы, но и рекомендовать решения проблем.

Социолог-методист специализируется на проектировании выборок, разработке инструментария и методов сбора и анализа социологической информации.

Социолог-организатор ориентирован на проведение полевых исследований: комплектование интервьюерских групп, составлении маршрутов движения интервьюеров, контроле качества работы, подготовке отчета по полевым работам.

Подготовка кадров по названным четырем специальностям имеет смысл лишь в том случае, когда конкретные экономико-социологические исследования имеют значительные масштабы. Нынешняя российская ситуация сегодня – иная. Нельзя не учитывать, что высшее образование и наука – от финансовой системы до каталогов библиотек – сегодня рождаются заново. События 1991 г. и последующих лет нередко называют “второй социальной революцией”. Поэтому, выражая печаль по поводу нынешнего положения социологии, надо смотреть в будущее. Есть надежда, что она займет более достойное место и в теоретическом анализе российского общества, и в его обновлении.